ТУР В «ТЕСНОТУ» КУГИТАНГА

Экспедиция журналистов из Ташкента в Термез и далее к Кугитангскому хребту была задумана, чтобы лучше изучить проблемы буферной зоны Сурханского государственного заповедника. Юридически она отсутствует. Но двух-трехкилометровую полосу от границ заповедника принято считать буферной — охранной, где гасится давление цивилизации на дикую природу. Так ли это на самом деле и что делать, чтобы было так?

Термезская прелюдия

По пути в Термез мы попали в «афганец». Ветер бросал и тащил по степи облака пыли. К ним добавлялась завеса от автотранспорта, еле ползущего по разбитой дороге. Пассажиры, закупорив в рейсовом автобусе окна и зажав носы платками, в тряске и хмари одолевали ждущий ремонта участок. Встречные включенные фары неожиданно выныривали из желтой мути. Жаркий ветер хлестал на остановках.
В глубоких сумерках заслуженный семнадцатилетний мерседес, проехав и степи, и играющую коричневым потоком Шерабаддарью, после тринадцати часов пути достиг Термеза. Помучил «афганец»? Ему не привыкать. Но мы, командировочные, подустали и от «афганца», и от семисоткилометровой пилежки…
То было вчера. А сегодня к нам присоединятся сурхандарьинские журналисты и начнется самое главное. Единой командой мы двинемся в Кугитангские горы, что в переводе

означает «тесные». Журналистов восемь. Всю дорогу с нами будет замдиректора заповедника по науке Тура Холиков. Он и сообщает вводную информацию: «Организован тур для журналистов проектом Программы развития ООН, Глобального экологического фонда и правительства Узбекистана «Укрепление устойчивости национальной системы охраняемых природных территорий путем фокусирования внимания на заповедниках». Сурханский заповедник проектом рассматривается как модель. Тут все идеи экологов и местных жителей апробируются, а удачные будут распространены в других восьми государственных заповедниках страны».

Перед выездом выслушиваем напутствие экологов из Сурхандарьинского областного комитета по охране природы: «Обратите внимание на состояние водных источников!» — «Обратим».

Первый водный источник, который видим, это Амударья. Она полноводна и величава. Мы наблюдаем ее в самом начале пути недалеко от Термеза в историческом комплексе, носящем имя ал-Хакима ад-Термези. Здесь идет реставрация мавзолея ученого богослова и обустройство парка, и потому желтые кирпичи в черных полиэтиленовых пакетах навалены горкой на широченных тротуарах, потому ковер с красной окантовкой закрывает в ход в усыпальницу. Многие любопытные посетители пытаются заглянуть за ковер. Мы тоже пытаемся и понимаем, что, развивая туризм в буферной зоне заповедника, начинать надо отсюда.

Про ад-Термези узнаем, что родился в Старом Термезе в девятом веке, что написал около восьмидесяти сочинений, что народ дал ему уважительное прозвище ал-Хаким — Мудрец — за его рассуждения о смысле мусульманских обрядов, за учение о душе, ее состояниях и движениях, о страдании как очищении, способах обуздания низменных инстинктов и самосовершенствовании.

Следующий объект, который осматриваем, находится в нескольких километрах от мавзолея. Забравшись на один из холмов Фаяз-тепа, реки не видим. Зато, как на ладони, ряды «пластилиновых колбасок». Кажется, они налеплены ребенком и сложены в определенном порядке по правилам детской игры. Но чем ближе мы к ним, тем они внушительнее. Ступив на твердь, осознаем, сколь огромен и населен был буддийский монастырь, раскопанный археологами.

Сейчас по стенам можно ходить, перепрыгивать с одной на другую, направляясь к современному куполу, прикрывшему другой — двухтысячелетний, и фантазировать. Вот ряды, где люди жили, где готовили пищу, а здесь молились в эпоху Кушанской империи, когда монастырь был построен. Припоминаем из школьных уроков истории про

государство Селевкидов, бывшее здесь до того. Еще раньше, в эпоху античности, территория сурханского оазиса называлась Бактрией и входила в состав огромной державы Александра Македонского.
Наверняка под холмами, по которым мы пробежались, тоже есть, что раскапывать. Говорят, по количеству и разнообразию буддийских памятников кушанского периода этот регион не имеет себе равных в Средней Азии. Нет сомнения, что у туристов и эта территория пробудит движения души к очищению и самосовершенствованию. Они понадобятся вблизи заповедника.

Застряли

Мы застряли в автомобильной пробке. Она растянулась на километры и очень живописна. Скалы справа, холмы слева, по автотрассе кубиками в линеечку вытянулись разноцветные кузова транзитных фур. А рядом с нами степенные матроны в ярких платьях выбираются из малиновых и зеленых легковушек размять ноги. Пробка образовалась, потому что дорогу в сторону столицы не просто ремонтируют, а расширяют, и впереди идут взрывные работы. Но скоро-скоро состоится наш поворот в сторону Сурханского заповедника. Его и обсуждаем с разговорчивым таксистом, утверждающим: «Мы, таксисты, знаем все».
И точно: «В горные кишлаки Хатак и Ляган ходят рейсовые автобусы. Если в Хатаке устроить вольеры с дикими животными в естественных условиях, то люди обязательно поедут. Там природа от заповедной ничем не отличается.

Школьников можно возить на один день. Я видел в будапештском зоопарке (и там был!), как сделаны вольеры. Построить в наших горах два-три вольера и гостевой дом — приедут экотуристы из Термеза и Ангора, ташкентцы, да и иностранцы. А местные жители смогут зарабатывать на их обслуживании».
Чего не знает наш собеседник, да и мы журналисты об этом слышим впервые от Туры Холикова, так это то, что вольеры уже строятся в горах выше Хатака. Там есть и скалы, и

маленькие пещеры для отдыха копытных. Территория выбрана вне границ заповедника, но и здесь водятся занесенные в Красную книгу мархуры (винторогие козлы) и бухарские бараны. В вольерах животные будут находиться в естественных условиях, но за трехметровой сеткой. Для ее крепления поднимаются на кручи железобетонные конструкции. На половине гектара вольер уже построен, а в планах окаймить ограждением восемь гектаров.

Спрашиваем: «Какой в том научный интерес?». Благодаря научному интересу все и затеяно. Важно изучать редкие виды крупных травоядных животных. Поддержал идею с питомником Всемирный фонд дикой природы, который и нашел финансирование для первого этапа работ. А убедили крупные успехи Узбекистана по восстановлению популяции другого редкого вида — бухарского оленя-хангула. Тоже крупное копытное травоядное, только живет в долине в амударьинских тугаях. Восстановление его популяции началось с вольеров заповедника Бадай-Тугай, а потом хангулов стали выпускать на волю. Сейчас вольных хангулов в тугаях около тысячи. Сколько мархуров? По последнему учету их в Сурханском заповеднике 260. Исчезающий вид.

Нам в нашем путешествии по буферной зоне увидеть их не удастся. Еще нет разрешения Госкомприроды на изъятие из природы. Но все необходимые документы уже готовы. Появится первая пара, потом вторая… Восьмигектарный вольер станет домом для двадцати голов мархура и шестнадцати – бухарского барана. Тогда придет время и для хозяйственных интересов.

Конечно, вольеры питомника станут притягивать экотуристов. Ну а другой хозяйственный интерес уже сейчас можно перевести в цифры. От каждой самки в неволе ежегодно будет рождаться по две-четыре особи. Цена особи на мировом рынке — десятки тысяч долларов. Приобретают краснокнижных животных и в зоопарки, и в частные коллекции. Продавая приплод, заповедник начнет зарабатывать средства на развитие. Это аргумент в пользу того, чтобы продолжить строительство питомника. Недешев – надо затратить полтораста миллионов сумов, но ведь окупится!

Хатакские барашки

Шагаем по тропе как заправские экотуристы. Что видим вокруг? Отъезжающий микроавтобус. Он высадил нас на подступах к Хатаку, так как на днях скатившийся по речке сель размыл не только русло, но и дорогу. По ней водитель пробирается в одиночку, мы же рады отправиться в пеший поход. Спускаясь под гору по садам, минуем и двор. Женщины и дети немало удивлены шествием, даже вечернюю дойку отложили, созерцая. Дальше — мосток через ручей, подъем, сад, еще дом и наш микроавтобус. Значит, мы прибыли.

Темнеет в горах быстро, и весь Хатак погружается во тьму. Хозяйка зажигает керосиновую лампу, а мне ностальгически вспоминается детство, когда и в отчем доме нередко зажигали керосиновую лампу из-за частых отключений электричества. Про отключения, которые будут сопровождать нас во всех кишлаках, которые посетим, местные жители будут отзываться одинаково: «Привыкли к тому, что электроэнергия подается часа четыре в день». Но мы ставим себя на место экотуристов и думаем: понравится ли им это?

На айване за ужином возлежим на курпачах и подушках. Вместо керосиновой лампы трапезу

освещает белый свет от, кажется, китайского, чудо-фонаря. Такого мы потом нигде не встретим, и нашим рассказам о фонаре слушатели других горных поселений будут внимать с недоверием: «Неужели заряжается от солнца?». В самом деле. А солнца здесь много.

Ранним утром оно освещает дальние макушки гор. Кишлак уже на ногах. Коровы подоены, овцы в нетерпении блеют. И мы за ними спешим на склоны, на пастбища. Стада пасутся вокруг кишлака — какие-то ближе, какие-то дальше. Про деградированную землю от перевыпаса барашков пока думать не хочется. В восторге рассматриваем в бинокль дальние склоны, усеянные эремурусами. И там стада. Тура говорит, что количество скота за последние годы выросло раза в четыре. Овцы — основной источник доходов для каждой семьи. Выпасают их на склонах вблизи Хатакского участка заповедника и владельцы скота из долины. Нужны пастбища. Лучшие — в заповеднике. Площадь его 24,5 тысячи гектаров, а охраняют двадцать пять инспекторов.

Нелегко им охранять заповедник, ведь вблизи границ находятся 17 кишлаков и несколько мелких поселений, а всего в буферной зоне проживает свыше десяти тысяч человек. Какие нужны аргументы, чтобы люди не рвали лекарственные травы, не рубили арчу на дрова, не загоняли скот? С прошлого года сюда стали привозить баллонный газ со скидкой и, говорят,

рубить дерева на дрова стали меньше.

Мы не пытаемся получить ответы на все вопросы сразу. Идем по камням, где прошел сель, наблюдая, как два местных мужчины восстанавливают смытую трубу для полива. Затем загружаемся в бортовую машину, иная не пройдет в дальний кишлак Тангидувал. Трясет на камнях. Слева скалы, справа скалы, мы между ними петляем по речке туда-сюда. Если переедем речку, то уже в заповеднике, если пересечем в обратную сторону — в буферной зоне. Из Тангидувала, сообщают инспектора заповедника,

понаблюдав за скалами по обе стороны от реки можно заметить мархуров и горных баранов. Увидим ли мы их? Об этом и многом другом в следующем рассказе об экспедиции в «тесные горы».
Наталия ШУЛЕПИНА
«Зеркало XXI», 15.7.2010г.
Продолжение: *Если придут «чужие»?*
окончание:
«ПРЯНИКИ» ДЛЯ ПОКОЯ ГОР

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

18.07.2010